

Послесловие

Имя американского профессора, крупного специалиста по истории русских революций 1917 г. А. Рабиновича уже известно широким кругам российской общественности. Его монография «Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде» была издана в 1989 г. издательством «Прогресс» массовым тиражом на русском языке и получила заинтересованный отклик читателей. Поэтому нет особой необходимости представлять автора новой книги нашему читателю. Скажу только, что он принадлежит к тому поколению американских советологов-историков, которое порвало с традиционно консервативными и упрощенными представлениями об Октябрьской революции, долго господствовавшими в западной немарксистской историографии, и стало на путь объективного исследования сложных и противоречивых процессов предыстории и истории великой российской революции. Свобода от идеологической предубежденности и тенденциозности открыла новые познавательные возможности.

Несмотря на трудности, связанные с недоступностью советских архивов, А. Рабиновичу и его коллегам удалось создать в 60—70-х годах ряд трудов, которые заняли видное место в обширной зарубежной литературе об Октябре. Приходится признать, что во многих отношениях, и прежде всего добросовестном стремлении понять и воссоздать причины, движущие мотивы острой борьбы различных общественных сил и конкретный ход событий того периода, эти труды выгодно отличались от основной массы работ советских историков. Даже во времена хрущевской «оттепели», когда мы, советские историки, впервые после почти 30-летнего перерыва, немало сделали для прогресса своей науки и освобождения ее от оков сталинизма, в наших трудах была рассказана лишь часть правды о революциях 1917 г. Ибо основные сталинские схемы и догматические постулаты были лишь частично подорваны, а не преодолены окончательно. Наступившая же полоса брежневской

реставрации неосталинизма привела к тому, что сталинские догмы и мифы возродились с новой силой и сделали, по сути, невозможными правдивые исследования по истории Октябрьской революции. Только начавшаяся в 1985 г. перестройка создала качественно новые условия для плодотворной исследовательской работы советских историков на основе принципов историзма и научной объективности. Она же открыла новую главу в отношениях с нашими зарубежными коллегами. От навязанной сверху конфронтации с ними, обязательного «разоблачения» немарксистских историков как фальсификаторов (конечно, нельзя отрицать, что среди них были и есть и такие, точно так же как в наших рядах их не меньше, если не больше) мы перешли к широкому и плодотворному сотрудничеству, обмену информацией и идеями. Публикацию двух книг профессора А. Рабиновича в нашей стране надо рассматривать как проявление поворота во взаимоотношениях с зарубежными учеными-историками.

Книга «Кровавые дни» посвящена июльским событиям 1917 г. Именно тогда, в первые дни июля, в открытой схватке противоборствующих классовых и политических сил решался коренной вопрос жизни страны: как дальше пойдет русская революция — по пути мирного развития с двойкой перспективой — либо стабилизации буржуазно-демократического строя, либо перехода власти к Советам — или насильственного революционного переворота, ориентированного на социализм. С высоты сегодняшней ретроспективы мы лишней раз убеждаемся, что в те далекие драматические дни действительно решалась судьба России. Не случайно впервые после свержения царизма яростное столкновение борющихся сил произошло именно по вопросу о власти — главному вопросу всякой революции.

Заслуга автора книги как исследователя состоит в том, что он, порвав с традицией путчистского объяснения причин июльских событий, показал, что они с естественной необходимостью выросли из всей совокупности объективных и субъективных обстоятельств того времени, из самой логики революционного процесса. Чтобы показать генезис июльских событий 1917 г., он предпринял краткий, но убедительный исторический экскурс, начав с анализа исторической ситуации, сложившейся в связи с вступлением России в первую мировую войну. Крупными мазками нарисованы нарастание экономического и политического кризисов в России, неспособность царского правительства найти

реформистский выход из них, неизбежность краха романовской монархии. После Февральской революции динамичность революционного процесса резко возросла.

Одно из достоинств книги, заметно отличающее ее от многих наших работ на ту же тему,— это яркий показ усиления динамичности социальной и политической жизни России после Февраля, чреватой стихийными взрывами и непредсказуемыми потрясениями. И автор справедливо связывает ее с вовлечением в активную политическую борьбу широких народных масс — рабочих, солдат, матросов Петрограда, а не с подрывной деятельностью большевиков, как это обычно многие годы делалось в зарубежной литературе. Будучи добросовестным исследователем, он приходит к верному выводу, что набравшее силу после Февраля 1917 г. массовое движение нельзя было произвольно обуздать, остановить на полпути или повернуть вспять. Автор сам не подозревал, насколько актуальным окажется этот вывод в наши дни, когда в отечественной публицистике развелось множество доброхотов-волонтеристов, задним числом возжелавших остановить революцию на февральском рубеже. Может быть, взгляд со стороны, к тому же столь авторитетного ученого, поможет читателю понять всю невежественность таких пожеланий, не говоря уже о некоторой их запоздалости.

В центре внимания американского историка — роль петроградских большевиков в дни июльского кризиса, точнее — его назревания и трагической развязки. Хотелось бы отметить несколько конструктивных моментов в его подходе к раскрытию столь непростой проблемы. В отличие от нашей литературы, в особенности историко-партийной, большевистская партия, а она представлена в книге ее Центральным Комитетом, Петербургским комитетом и его Исполнительной комиссией, Военной организацией, нередко райкомами, а также рядовыми членами, выглядит не как монолит, действующий по безошибочным указаниям вождя — В. И. Ленина или командам ЦК. Большевистская партия и ее Петроградская организация — это живая, демократическая, открытая для свободных дискуссий и борьбы мнений массовая политическая партия. Исследование порой острых разногласий и дискуссий внутри партии по тактическим вопросам, связанных с различной оценкой ситуации в июне и июле 1917 г., степени сознательности и революционности масс, выбором форм наступательных действий,

выработкой лозугов и т. п., последовательно и в целом удачно проведено в книге и составляет ее сильную сторону. Надо признать, что даже в лучших наших трудах об июльском кризисе (см., напр.: *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года. М.; Л., 1964; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. Кн. 1) эти сюжеты по понятным причинам звучат приглушенно.

Большевики предстают в книге как в высшей степени инициативная и гибкая политическая партия, чутко улавливающая сдвиги в настроениях масс, тесно связанная с ними, в первую очередь с рабочими, солдатами и матросами, отражающая и генерализирующая их интересы и требования, как партия, стремившаяся стать во главе народа, чтобы вести его за собой, а не замкнутый «орден меченосцев» или аппаратчиков. И как показано в книге, различные ее течения и организации по-разному отражали процесс революционирования масс. Отчасти отсюда наличие в ее рядах в 1917 г. правого, «умеренного» (центристского) и радикального течений, а также революционно-экстремистских элементов.

В. И. Ленин писал в мае 1917 г., что рабочие и беднейшие крестьяне России раз в 1000 левее Черновых и Церетели, т. е. эсеров и меньшевиков, раз в 100 левее большевиков*. Это было не данью конъюнктуре или лестью массам, а трезвой оценкой соотношения настроений народных масс и политики партий. В книге показано, как быстро и в силу каких причин радикализировались уже политизированные после Февраля рабочие и солдаты Петрограда и почему все труднее было большевикам сдерживать спонтанную активность масс, их стремление действовать самим, часто через голову политических партий и демократических организаций (например, того же Петроградского Совета).

В этой связи объективный анализ позиции большевиков в отношении стихийно нараставшего с конца июня движения петроградских масс заслуживает всяческого одобрения. Показаны сдержанность ЦК и ПК и вместе с тем радикализм многих членов и руководителей Военной организации партии, испытавших на себе давление солдатской стихии. Едва ли не первым в мировой историографии об Октябрьской революции А. Рабинович так полно и глубоко исследовал деятельность Военной организации при ЦК РСДРП(б) (в мае в ее состав вошла

---

* См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32, С. 35.

и Военная организация Петербургского комитета) в марте — июле 1917 г.

Все политические партии России отдавали себе отчет в том, что «человек с ружьем» сыграет в развернувшемся в стране противоборстве решающую роль. Что касается Петроградского гарнизона, то о его значении в книге сказано словами одного из руководителей большевистской Военной организации В. И. Невского: «Завоевать Петроградский гарнизон — это означало занять первое место в революции». Соответственно все политические партии и круги пытались укрепить свои позиции в армии и на флоте. Но, по сути, только большевикам с их реалистической оценкой интересов, психологии и настроений солдатских и матросских масс удалось создать стройную и влиятельную партийную организацию для непосредственной работы в армии и на флоте. Из книги видно, что Военка (так сокращенно называлась Военная организация большевиков) смогла в сравнительно короткие сроки завоевать авторитет среди солдатских и матросских масс, подчинить уже к июлю значительную часть гарнизона своему влиянию, несмотря на то, что во главе большинства солдатских комитетов стояли тогда эсеры и меньшевики.

Но повышенный интерес к роли Петроградского гарнизона и деятельности Военной организации РСДРП(б) привел автора, как мне кажется, к известному перекосу в освещении реального соотношения сил в столице в канун и в ходе июльских событий. Верно, конечно, что инициаторами вооруженной демонстрации (восстания, по автору) 3 июля были солдаты, а среди них — солдаты 1-го пулеметного полка, выделявшегося своим радикализмом, а зачастую и экстремизмом. Но все же главной массовой силой в демонстрациях 3 и 4 июля были рабочие столичных заводов и фабрик. У них было более чем достаточно оснований для недовольства политикой Временного правительства и для антиправительственного выступления. Не случайно именно делегация 54 заводов с участием представителей некоторых воинских частей огласила на совместном заседании ЦИК и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов заявление с требованием перехода всей власти к Советам и прекращения политики соглашательства с буржуазией. Рабочие Петрограда составили и основную массу демонстрантов 3 и 4 июля. Если общая численность демонстрантов в эти дни определяется приблизительно в 400 тысяч человек, то

численность демонстрантов-солдат равнялась 40—60 тысячам (при численности гарнизона в феврале 1917 г. 460 тысяч человек без Кронштадта)*.

Но, отмечая определенный крен в солдатскую сторону, не могу не отметить как бесспорную заслугу автора, что главными действующими лицами в его книге являются не только и не столько партийные лидеры и функционеры среднего звена, а рядовые солдаты, рабочие и матросы. К слову сказать, наша историография, греша таким пороком, как вульгарный социологизм, ухитрилась сделать революцию безлюдной, сведя ее к руководящей и направляющей деятельности большевистской партии и действию «объективных закономерностей».

Для некоторых читателей, вероятно, покажутся непривычными такие формулировки, как поражение большевиков, их капитуляция и т. п., которыми автор характеризует исход июльских событий. Официальная советская историография, долгое время базировавшаяся на сталинской концепции партии-победительницы, игнорировала даже прямые ленинские высказывания о том, что большевики были разбиты в июльские дни 1917 г.** Им действительно тогда пришлось испытать чашу поражения, хотя и не сокрушительного. Такова историческая правда, и она отражена в данной книге.

Как и в любом научном труде, не все в монографии А. Рабиновича равноценно, а некоторые его положения и выводы кажутся недостаточно доказательными. Так, автор характеризует демонстрацию петроградских рабочих и солдат 3 и 4 июля как восстание, мятеж против Временного правительства. Известно, что такое определение родилось еще в июле 1917 г. в официальных заявлениях правительства и ЦИК Советов. В зарубежной историографии оно получило права гражданства и практически стало краеугольным камнем всей концепции июльского социального взрыва. Советская историография до сих пор смотрела на это глазами Ленина, многократно обращавшегося к анализу и оценке июльских событий как по горячим следам событий, так и ретроспективно. Сейчас мы пересматриваем и переосмысливаем многие оценки Ленина, в том числе и по проблемам истории Октябрьской революции. И тем не менее представляется, что Ленин был прав, возражая против опреде-

---

* См.: *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года. С. 106; Октябрьское вооруженное восстание. Кн. 1. С. 21.

** См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 87.

ления июльских событий как восстания, даже стихийного. А с точки зрения долгосрочной политики большевистской партии он считал, что восстание, будь оно организовано 3—4 июля, было бы преждевременным, а следовательно, непростительной ошибкой*. Более того, он утверждал, что «ни одна, ни центральная, ни местная организация нашей партии не только не выставляла ни письменно, ни устно лозунга захвата власти 3—4 июля, но и не ставила даже этого вопроса на обсуждение»**. Да и действия демонстрантов — вооруженных солдат, матросов и красногвардейцев — в течение двух роковых дней, несмотря на перевес сил на их стороне, не сопровождались захватом правительственных учреждений или каких-либо других стратегических объектов. В. И. Ленин, правда, не мог знать тогда и, вероятно, не знал и позже, что среди солдат 1-го пулеметного полка, рядовых большевиков — членов Военной организации и даже ее некоторых руководителей вынашивались планы вооруженного восстания. Со ссылкой на позднейшее свидетельство В. И. Невского А. Рабинович пишет, что уже 22 июня «Военная организация, явно без санкции ЦК, начала строить свои собственные планы восстания». В то же самое время она со страниц большевистской печати официально обращалась к солдатам и рабочим «с просьбой *не верить* никаким призывам к выступлению на улицу от имени Военной организации»***. Правильно отметив более чем сдержанное отношение ЦК РСДРП(б) к проведению мирной, но вооруженной демонстрации 3 июля, автор, противореча самому себе, пишет, будто ЦК согласился, хотя крайне неохотно и с большим запозданием, возглавить восстание. По всей вероятности, автор имеет в виду совещание членов ЦК и ПК РСДРП(б), делегатов 2-й Общегородской конференции большевиков, представителей некоторых заводов и полков, состоявшееся около 10 часов вечера 3 июля в особняке Кшесинской, на котором было решено «призвать уже вышедшие на демонстрацию массы к ее мирному проведению, не допуская попыток захвата правительственных учреждений».

Таким образом, о восстании 3—4 июля, как таковом, вряд ли правомерно говорить, хотя тему эту нельзя считать исчерпанной в исследовательском отношении.

---

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 419; Т. 34. С. 21—23, 145, 243—244, 336.

** Там же. Т. 34. С. 145.

*** КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия: Сборник документов. М., 1957. С. 144.

Бесспорно, одним из трудных аспектов исследования июльского кризиса является выяснение его, так сказать, краткосрочных и долгосрочных последствий. Основные наблюдения автора, касающиеся коренных изменений в соотношении общественных сил, в политике различных партий, Временного правительства и генералитета, мне представляются интересными. Но один вывод относительно воздействия кризиса на большевистскую партию, а именно об усилении разногласий в партии, является излишне категоричным (см. Заключение).

Как и всякая неудача, понесенное в июльские дни поражение оказалось ударом по партии. Но надо удивляться тому, что большевики сумели, отчасти из-за нескоординированных действий своих противников, не только устоять, но и быстро оправиться, сохранив без особых потерь свой потенциал. Более того, они единственные из участников драматических событий обратили вскоре поражение в один из факторов своей будущей победы. Как правильно отметил автор, большевики извлекли необходимые уроки для последующей борьбы за власть. В партии остались те же основные идейные течения (правое, центр и леворадикальное), которые обозначились на VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б) в связи с крутым стратегическим поворотом от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. Внутрипартийные разногласия и борьба мнений при обсуждении уроков июльских событий и вытекающих из новой ситуации задач (прежде всего по вопросу об отношении к лозунгу «Вся власть Советам!»), как мне кажется, привели не к усилению разногласий в партии, что можно было ожидать после понесенного поражения, а к сплочению ее рядов. Кроме того, учтем, что разногласия по вопросам стратегии и тактики затрагивали, как правило, верхние и средние эшелоны партии.

Другая спорная проблема, которой хотелось бы коснуться,— это проблема финансовой поддержки большевиков Германией, а проще говоря, о «шпионстве» Ленина в пользу Германии. Как видно и из книги, своего апогея кампания разоблачений и обвинений в адрес Ленина и большевиков в связях с немцами достигла именно в июльские и послеиюльские дни. Она была тогда, как и сейчас (для некоторых наших эпигонствующих публицистов), средством дискредитации большевиков в массах. Должен признать, в том, что эта проблема периодически возникает, отчасти виновны и мы, историки. Вместо того чтобы

обстоятельно исследовать вопрос об источниках финансирования партии на разных этапах ее деятельности, в особенности в 1917 г., мы ограничивались тем, что с порога отметали обвинения в финансовых связях отдельных большевиков с немцами как клеветнические. Не подлежит сомнению и доказано зарубежными документальными публикациями, что германское правительство готово было для подрыва боеспособности России финансировать любых противников как царского, так и Временного правительства. Но серьезные зарубежные исследователи, в частности известный американский дипломат и историк Джордж Кеннан, еще в 50-х годах убедительно доказали подложность компрометирующих большевиков документов, в частности так называемых сиссоновских документов (названных так по фамилии американского журналиста Эдгара Сиссона — составителя опубликованного в США сборника «Германо-большевистский заговор»). Надо быть слишком доверчивым или не иметь реального представления о Ленине и большевиках, чтобы принять версию об их финансировании, о «шпионстве» в пользу Германии за доказанную истину.

Исследование А. Рабиновича на большом документальном материале показывает объективную силу большевизма в России в 1917 г. и слабость противостоявших ему альтернативных политических сил. Сам автор не скрывает, что он сторонник такого хода и исхода русской революции, который бы привел к увенчанию ее однородносоциалистическим правительством, однако это не помешало ему остаться объективным исследователем одной из драматических страниц истории нашей Родины. Читатель, думается, оценит не только содержательную сторону книги американского ученого, но также и его свободный, живой и яркий стиль изложения.

П. В. Волобуев